По́тык (2)

А день-от идёт да нонь ко вечору;
Красно солнышко катицьсе ко западу,
Ко западу катицьсе — ко закату.
А Владимер-от князь да стольне-киевьской
Пошол кнезь Владимер да в тёплу ложню спать
Со своей-от кнегиной да со Опраксеей,
Ише с той Опраксеей да с королевисьней.
А пир-от идёт да пир навесели,
А все на пиру да сидят, пьют, едят;
А все на цёсном да пьяны-весёлы.
А един на пиру сидит — не пьёт, не ест,
А не пьёт, он не ест — сидит, не кушаёт
Ише Потыки Михайло и сын Ивановиць;
Нецем же Михайло, седит, не хвастаёт.
Ише нецем ле у Михайла да нонь похвастати:
Ише нет ле у Михайла да золотой казны,
Ише нет ле у Михайла да платья цветного,
Ише нет ле у Михайла да коней добрыех,
Ише нет ле у Михайла да в поли выслуги?
Ише злы были бояра, да злы подводчики,
Они подмолвили князю да всё Владимеру:
«Ише Потыки Михайло сидит — не пьёт, не ест,
А не пьёт, он не ест — седит, не кушаёт;
На тибя ле он, на князя, да лихо думаёт!»
Говорит Потыки́ Миха́йло да сын Ивановиць:
«Кабы был у Михайла, да у мня, доброй конь —
Я бы съездил, Михайло, да в землю дальнюю,
Я во дальнюю Землю да всё во Лямьскую;
Я бы стару-ту силу да всю конём стоптал,
Я воистых молоццей бы да в пень повырубил,
Я бы цисто-то серебро телегами катил,
Я бы красно-то золото — ордыньскою;
Я бы красных-то девушок — станицеми,
Молодых молодиць — да табуницеми,
Я бы добрых коней да табунами гнал!»

Тут пошол кнезь Владимер да стольне-киевьской,
Он сам говорит да таково слово:
«Уж ты ой, Потыки́ Михайло да сын Ивановиць!
Скажут: в оцях ты, Михайло, да нонь не хвастаёшь —
По-за воцью, Михайло, да похваляисьсе!
Скажошь, был бы у Михайла, да у мня, доброй кон[ь] —
Скажошь, съездил бы Михайло2 да в землю в дальнюю,
А во дальнюю Землю да ты во Лямскую.
Скажошь, стару-ту силу да всё конём стоптал,
Ты воистых молоццей бы да в пень повырубил;
Скажошь, цисто-то серебро телегами катил,
Скажошь, красно-то золото — ордыньскою,
Ишше красных-то девушок — станицеми,
Молодых молодиць — да табуницеми;
Скажошь, добрых-то коней — да тех табунами гнал!»
Говорыт Потыки Михайло да сын Ивановиць:
«Таковых-то я рецей да не говарывал;
А и що к цёму придёт, дак я не пе́тюсе!»
Той будёт Михайло да на конюшин двор;
И седлал он, уздал да коня доброго,
И подвязывал подпруги да шолку белого,
А двенаццать подпруг да шолку белого,
А тринаццата подпруга — церез хребётну кость —
А не ради басы, да ради крепости,
А всё ради храбрости молодецькое
Да для-ради опору да богатырьского:
«Не оставил бы конь да во цистом поли,
Не заставил бы конь миня пешу ходить!»
Тут поехал Михайло да в землю в дальнюю,
А в дальнюю Землю да всё во Лямьскую.
А смотрели бояра со стены да городовое,
А смотрели поезку да богатырьскую:
А не видели поезки да богатырьское —
Они тольки ведь уж видели, как на коня он сел.
Из города поехал не воротами —
А церез-где стену да городовую,
А церез-де башни да наугольние:
А тольки лишь в поли да курева стоит,
Курева-та стоит, да дым столбом валит.

Здраво стал-де Михайло да полём цистыем;
Здраво стал-де Михайло да реки быстрые;
Здраво стал-де Михайло да в землю в дальнюю,
Во дальнюю Землю да всё во Лямьскую.
Он уж стару-ту силу да всю конём стоптал,
И воистых молоццей да в пень повырубил,
Он цисто-то серебро телегами катил,
Он уж красно-то золото — ордыньскою,
Он уж красных-то девушок — станицеми,
Молодых молодиць — да табуницеми,
Он уж добрых коней — да табунами гнал!
Он уж прибрал сибе да полюбовницю —
А прикрасную Марью да королевисьню:
Ище сколь-то-де Марья, да лебедь белая!
А садил он ею да на добра коня,
На добра коня садил да впереди себя;
И поехали они да по цисту полю.
Они едут как по полю по цистому.
Не издалеця-далеця, да из циста поля,
Из того же роздолья да из широкого
И ползет-де змея, да змея лютая,
А люта змея да подколодная.
Она ползёт ведь к Михайлу да ко добру коню,
А сама говорит да таково слово:
«Уж ты ой, Потыки Михайло да сын Иванович!
Соскоци-тко ты, Михайло, да со добра коня,
Ты розуй-ко-се, Михайло, сапог да со правой ноги,
Ты сходи-тко-се, Михайло, да во синё морё,
Зацерпни-тко-се воды свежо-ключевое,
Ты залей мать зеленую дубровушку:
Есь горит-де в цистом поли ковыль-трава,
А в цистом-то ведь поли есь цяс ракитов кус,
А в кусту у змеи да есь тёпло гнездо,
А в гнезди у змеи есь да дети малые.
Я на нужно тибе время да пригожусь когда-небудь,
Я на нужно тибе время да неминуцёё!»
Говорила тут Марья да королевисьня:
«Уж ты ой, Потыки Михайло да сын Ивановиць!
Не слезывай ты, Михайло, да со добра коня,

Не розувай ты, Михайло, да ведь сапожецёк,
Не ходи ты, Михайло, да во синё морё,
Не зацерпывай воды свежо-ключевое,
Не заливай мать зеленую дубровушку —
Не отнимай у змеи да ты малых детей!»
Ведь тому-то Михайло да не поваровал;
Он и скоро соскоцил да со добра коня,
Он и скоро бежал да во синё морё,
Зацерпнул он сапог да ключевой воды —
Заливал мать зеленую дубровушку.
Они поехали опеть по полю по цистому,
Они доехали до стольнёго до города,
И до стольнёго до города до Киева.
Тут оставил Марью-королевисьню,
Он оставил у бабушки-поляноцьки,
Нагонил-де Михайло да коней добрые.
А навёз-де Михайло да злата-серебра.
Тут и делал Владимер-князь поцесьён пир.
Сидеци тут Михайло да на цёсном пиру,
Он и сам говорит да таково слово:
«Ґосударь ты кнезь Владимер да стольне-киевьской!
Благослови, ґосударь-князь, да мне женитисе!»
Говорит кнезь Владимер да стольне-ки[е]вьской:
«Тибе Бог благословит, Михайлу, женитисе!»
Говорит Потыки Михайло да сын Ивановиць:
«У миня полюбовниця есть прибрана,
А оставлёна у бабушки-поляноцьки».
Весёлым-де пирком да то и свадёбкой
Пожэнилсэ Потыки Михайло да сын Ивановиць.
Повели-де Михайла да на подклет же спать
Со своей-де ёго да с молодой жоной,
С той с прекрасной же с Марьей да королевисьней.
Марья долго не валилась да на постелю спать,
Она долго по горёнки похаживат.
Говорит Потыки Михайло да сын Ивановиць:
«Що ты долго со мной, Марья,
Не валисьсе да на постелю спать?»
Говорила тут Марья да королевисьня:
«Уж ты ой, Потыки Михайло да сын Ивановиць!

Мы положим таку заповедь с тобой тяжэлую:
А которой у нас с тобой наперёд помрёт —
А другому-ту да живому легци!»
Они положили таку заповедь тяжэлую:
А которой у их да наперёд помрёт —
А другому-ту дак живому легци.
То сколько времени они пожили.
Тут поехал Михайло гулять в цисто полё
А на вёшны на тихи да он на заводи
Он стрелеть-де гусей да белых лебедей,
Переперистых серых да малых утицей.
Как уехал Михайло гулять в цисто полё —
Помёрла у ёго тут да молода жона.
Нанимал кнезь Владимер да стольне-ки[е]вьской,
Нанимал копать могилу да всё глубокую,
Повелел делать гробницю да белодубову.
Схоронили у Михайла да молоду жону —
А ту же ведь Марью да королевисьну.
Когда приехал Михайло да из циста поля,
Да с тихих ведь вёшных да он заводей, —
Ёго стрецят кнезь Владимер да стольне-ки[е]вьской.
Он сам говорит да таково слово:
«Уж ты ой, Потыки́ Михайло да сын Ивановиць!
Помёрла ноньце твоя да молода жона —
Ище та ведь Марья да королевисьня!..»
Говорит Потыки́ Михайло да сын Ивановиць:
«Помёрла коли моя да молода жона —
А надоть ведь мне-ка да живому легци!
У нас положона была така заповедь, така тяжэлая:
Що которой у нас дак наперёд помрёт —
А другому у нас дак живому легци».
Тут пошол же Михайло да в нову кузьницю;
А сковал где Михайло дво́и клёщи железные,
А третьи-ти клёщи да купил медные;
А и набрал Михайло свещ да воскуяровых.
Ёму сделали гробницю да белодубову;
Ише выкопали могилу да всё глубокую
А к той же к гообници да ёму к Марьиной.
Схоронили тут Потыка Михайла сын Ивановиця.

Засветил он много свещ там да воскуяровых,
А стоит-де уж он да Боґу молицсэ.
А от той же гробници да всё от Марьиной
А [не] люта змея пользё-извиваицсэ:
Она хоцёт Михайла да всё ожарити.
А на ту пору Михайло да он ухватцив был:
Ухватил он ведь клёщи да всё железные,
Зажимал он змею в клёщи в железные,
Да бьёт-де, секёт прутом железным —
Да железни-ти клёщи возьмут роскоцяцьсе,
Да железно-от-де прут да переломицсэ.
Зажимал-де Михайло да во вторы́ клёщи́,
Во вторы-ти он клёщи да во железные,
Да секёт-де он прутом да всё железным —
А вторы-ти клёщи возьмут роскоцяцьс[е],
А второй-де прут да переломицьсе.
Зажимал-де Михайло змею да в клёщи в медные,
А бьёт-де, секёт ей да прутом медным —
Ише медны-ти клёщи гнуцсе, не роскоцяцьсе,
Ише медн-от-де прут гнецсэ, да не ломицсэ.
Стало са́дко змеи да доставатисе;
Тут змолиласе змея, да змея лютая:
«Уж ты ой, Потыки Михайло да сын Ивановиць!
Ты прости меня, бабу да всё глупую,
Прости меня, женьшину, в первой вины:
Ише женьски-ти волосы долги — да у́мы коротки!»
А Владимер-от князь да стольне-ки[е]вьской
Он и цясто ходил к Михайлу на могилу же,
Ходил же уж он да слезно плакалсэ.
Тут вопил-де, крыцел Михайло громким голосом!
Услыхал кнезь Владимер да стольне-киевьской,
Прыказал розрывать скоро могилу да всё глубокую.
И розрыли могилу скоро глубокую —
Выходил тут Михайло да с молодой жоной.
То и сколько ли времени они пожили —
Опять уехал Михайло гулять в цисто полё.
А прошла товда слава да всё великая:
А що Бесмёртна есь Марья да королевисьня.
Как заслышэли цари, много царевицей,

Да заслышэли короли да королевици —
Они съехались на полё на цистоё,
Они бьюцьсе-деруцьсе да на цистом поли:
Да делят они Бесмёртную Марью да королевисьню.
Да не много их, не мало — триццэть богатырей.
Когда приехал Михайло да из циста поля —
Говорит тут кнезь Владимер да стольне-ки[е]вьской:
«Уж ты ой, Потыки Михайло да сын Ивановиць!
Как приехало ведь ноньце триццэть боґатырей;
Они бьюцьсе-деруцьсе да на цистом поли:
А делят-де твою они молоду жону,
Ту Бесмёртную Марью да королевисьню».
Нарежалсэ Михайло да в платьи в Марьином;
Он пошол-де, Михайло, да на цисто полё,
Он и сам говорит да таково слово:
«Вы об цём деритесь-де, бьитесь да на цистом поли?»
Отвецяют Михайлу сыну Ивановицю:
«Мы об том ноньце бьемсе-деремсе да на цистом поли:
Мы делим ту Бесмёртную Марью да королевисьню!»
Говорит Потыки́ Михайло да сын Ивановиць:
«Ище то есь я Бесмёртная Марья да королевичня!
Я уж выстрелю всем да вам по стрелоцьки;
А которой со стрелой ко мне наперёд прыбежит —
За того-то ведь я дак взамуж иду!»
Он и выстрелил всем да им по стрелоцьки;
А которой со стрелой к ёму наперёд прибежит,
Он тому ведь придаст да смерть-ту скорую!
Он и всех их прибил да до единого.
То и скольки времени они пожили —
Опеть уехал Михайло да во цисто полё.
Как прошла товда слава про Марью всё великая:
Що Бесмёртна есь Марья да королевисьня.
Как заслышэли цари, много царевици,
А заслышэли короли да королевици;
Наежджал как Ефремей тут да Вахрамеевиць,
Он увёз ту Бесмёртную Марью да королевисьню!
Когда приехал Михайло да из циста поля —
Ёго стрецят кнезь Владимер да стольне-[к]иевьской,
Он и сам говорит да таково слово:

«Уж ты ой, Потыки́ Михайло да сын Ивановиць!
Наежджал как Ефремей-та Вахрамеевиць,
Он увёз-де твою да молоду жону!»
А тепере-то Михайлу да делать нецёго,
Он уж скоро садилсэ да на добра коня,
И поехал Михайло в сугон за Марьею.
Наежджал ведь уж он их да на цистом поли,
На цистом-де поли да при белом шатри.
Не доехал тут Михайло да до бела шатра —
Он и вопит-крыцит своим громким голосом:
«Уж ты ой, Ефремей ты да Вахрамеевиць!
Выходи-тко ты на полё на цистоё:
А кому у нас на поли будет Божья помошшь,
Кому достанитсе Бесмёртная Марья да королевичня?»
А киналсэ-бросалсэ Ефремей тут да во белом шатри,
Выходил он ведь на полё на цистоё,
Выходила тут Марья да королевисьня.
Да припетили они Михайла да ко сыру дубу,
Привязали опутинками шелковыма —
Сами уехали они да во цисто полё,
Увели у Михайла да коня доброго
И со всей ёго со сбруной да с богатырьскою.
Лёжоцись тут Михайло да под сырым дубом —
Не издалеця-далеця, да из циста поля
А ползёт тут змея, как да змея лютая,
Змея лютая ползёт да подколодная.
Приползла она к Михайлу да ко сыру дубу,
Перелизала опутинки шелковые —
Тут отскакивал Михайло да от сыра дубу,
И пошол-де Михайло в сугон за Марьею.
Он нашол-де уж их да на цистом поли,
На цистом поли настыг да при белом шатри.
Он и вопит-крыцит своим громким голосом:
«Уж ты ой, Ефремей ты Вахрамеевиць!
Выходи-тко ты на полё на цистоё:
А кому будёт на поли Божья помошшь,
Кому достаницьсе Бесмёртная Марья да королевисьня?»
Говорила тут Марья да королевисьня:
«Уж ты ой, Ефремей ты да Вахрамеевиць!

Уж тибе-ка с Михайлом да делать нецёго!»
Выходила сама к Михайлу на побы́тоцьку,
А брала-де Михайла да за русы кудри,
Овёрнула ёго да серым камешком —
Сами уехали они да во цисто полё.
А на этот-де ведь да на сер-горюць камень
Наежджал тут Добрынюшка Микитиць млад,
Сам слезно над камешком росплакалсэ.
Не изделеця-далеця, да из циста поля,
Из того-де роздолья да из широкого,
Идёт ведь уж тут да стар матёр цёловек;
Говорит тут Дубрынюшки Микитицю:
«Уж ты ой еси, Добрынюшка Микитиць млад!
Ты уж що же над камешком росплакалсэ?»
Говорит тут Добрынюшка Микитиць млад:
«Потому я над камешком росплакалсэ,
Що во камешки есь да мне названой брат!»
Ище взял уж ведь этот да стар матёр цёловек
А взял-де уж он да серой камешок,
Да вызнял ведь он выше своей буйной головы,
Да бросил ведь он да о сыру землю —
А надвоё камень да росколу́пицьсе,
Тут выскакивал Михайло да сын Ивановиць!
Говорит ёму Добрынюшка Микитиць млад:
«У[ж] ты ой, Потыки́ Михайло да сын Ивановиць!
Не ходи ты ведь боле да уж за Марьею:
Потеряшь ты свою да буйну голову!»
Говорит Потыки Михайло да сын Ивановиць:
«А хоша ведь уж мне-ка да живому не быть —
Не поступлюсь я Бесмёртною Марьей да королевисьней:
А как я нонь выйду да на Святую Русь —
Меня малы-ти рибята да нонь дразнить станут,
Скажут: „Потыки Михайло да потерял жену,
А жону потерял да и со добрым конём
И со всей ёго со сбруной да с богатырьскою!”»
А пошол опеть Михайло в сугон за Марьею,
Он дошол тут до города Ефремеёва.
По-за городу ездила-гуляла тут Марфа да Ефремеёвна;
Прибрала она Михайла сына Ивановиця,

Посадила ’на в повозку да сибе в тёмную,
Завёзла-де она да ведь во свой город,
А во свой она город да на широкой двор.
Заходил тут Михайло да в светлу светлицю.
А Ефремея Вахрамеевиця в доми да не слуцилосе:
Он уехал гулеть да во цисто полё.
А стрецяла тут Марья да королевисьня,
А садила ёго ’на за дубовой стол,
Напоила-накормила да ёго досыта,
А сама говорила да таково слово:
«Уж ты ой, Потыки Михайло да сын Ивановиць!
Как приедёт Ефремей тут да Вахрамеевиць —
Я куды ведь уж нонь тибя девать стану?»
Говорит Потыки Михайло да сын Ивановиць:
«Ты закинь-кось под перину миня да под пуховую!»
Она закинула под перину ёго да под пуховую.
Как наехал Ефремей тут да Вахрамеевиць,
Заходил-де уж он да во светлу грыдьню,
А садилсэ ведь он да за дубовой стол
А хлеба-де, соли да он кушати.
Говорыла тут Марья да королевисьня:
«Уж ты ой, Ефремей ты да Вахрамеевиць!
Кабы был Потыки Михайло да сын Ивановиць —
А що ты над им да стал бы делати?»
Говорит Ефремей тут да Вахрамеевич:
«Я бы ссек у ёго да буйну голову!»
И откинула Марья перину скоро пуховую —
Ише в та поре Ефремей тут да Вахрамеевиць
Он схватил со стены да саблю вострую,
Он и прямо скоцил да церез золот стол,
Да церез свои есвы да всё сахарные.
Говорит Потыки Михайло да сын Ивановиць:
«Уж ты ой, Ефремей ты да Вахрамеевиць!
Ты мне дай строку до утра да хошь до ранного,
А до ранного утра, да до светлой зори!
Ты ссекёшь нонь у мня да буйну голову —
И нехто то не знат да не ведаёт!
Ты роскуй меня на стену да городовую —
А пройдёт тода слава да всё великая:

Росковал Ефремей да Вахрамеевиць
Ише сильнёго руського могуцёго боґатыря!
И тепере-то ведь я дак у тибя в руках».
Ише в та поре Ефремей да Вахрамеевиць
Росковал ёго на стену да городовую.
А ноць-та прошла, да Бох и день даёт.
Поежджат Ефремей тут да Вахрамеевиць,
Поежджат он гулеть да во цисто полё,
По Михайловой по смерти да он потешицьсе
Со своей он ведь с Марьей да с королевисьней.
Он зовёт ведь свою доцерь любимую —
Ище ту-де уж Марфу да Ефремеёвну:
«Уж ты ой еси, Марфа да Ефремеёвна!
Мы пуедём гулеть да во цисто полё
Мы со сво́ей со силой да со военною;
Ты поедём же с нами да во цисто полё!»
Говорит тут ведь Марфа да Ефремеёвна:
«Не могу я с вами ехать да во цисто полё,
По Михайловой по смерти да я потешицьсе!
Вы оставьте мне вы Михайлова добра коня
И со всей ёго со сбруной да с богатырьскою:
Буди дас Бог мне полегце — дак я и выеду,
А не дас Бог полегце — дак и не выеду!»
Тут поехал Ефремей гулять в чисто полё,
По Михайловой по смерти да он потешицьсе.
Как уехали они да во цисто полё —
Еще в та поре Марфа да Ефремеёвна
Она снимала Михайла со стены [и] да с городовое,
Выводила она ёму добра коня.
Тут поехал Михайло да во цисто полё
Да к тому же Ефремею да Вахрамеевицю.
Как увидял Ефремей тут да Вахрамеевиць,
Говорит своей Марьи да королевисьни:
«Эвон едёт моя доци любимая —
Молодая едёт Марфа да Ефремеёвна!»
Говорит ёму Марья да королевисьня:
«Это едёт Потыки Михайло да сын Ивановиць!»
Говорит Ефремей тут да во второй након:
«Уж ты глупая, Марья да королевисьня!

Это едёт моя доци любимая —
Молодая едёт Марфа да Ефремеёвна!»
Говорит тут ведь Марья да королевисьня:
«Это едёт Потыки Михайло да сын Ивановиць!»
Говорит Ефремей тут да Вахрамеевиць:
«Уж ты ой еси, Марья да королевисьня!
Кабы ты у меня да не в люби была —
Я бы ссек у тебя да буйну голову!»
Тут приехал Михайло до силы Ефремеёвой.
Он и у́цял по силы да тут поежджи́вать:
Он куда приворотит — да улицей валит,
А назад отмахнёт — да целой площадью!
Он доехал до Ефремея до Вахрамеевиця —
Он ссек у Ефремея да буйну голову!
Говорила тут Марья да королевисьня:
«Уж ты ой, Потыки Михайло да сын Ивановиць!
Ты прости меня, бабу да всё глупую,
Ты прости меня, женьшину, в второй вины:
Ишше женьски-ти волосы долги — да умы коротки!»
А тому-то Михайло да не поваровал.
Он отсек ведь у Марьи да руку правую,
Он и сам говорит да таково слово:
«Мне-ка ета рука боле не надобна, —
Обнимала поганого тотарина!»
Он отсек ведь у Марьи да нос и с губами:
«Мне-ка ети ведь губы боле не надобны, —
Цёловали поганого тотарина!»
Он отсек ведь у Марьи да ногу правую:
«Ище эта нога мне боле не надобна:
455Оплётала поганого тотарина!»
А затем-то Михайлу да и славы поют,
А славы ёму поют да и старины скажут.

(Зап. А. Д. Григорьевым 26 июля 1901 г.: д. Ки́льца Погорельской вол. — от Чу́повой Анны Петровны (урож. д. Гришино на р. Вижас), 72 лет.)

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. Т. 3: Мезень. СПб., 1910.